

ЖИТІЕ БРАТА ЮНИПЕРА

Переводъ со старо-итальянскаго
А. П. Печковскаго.

К-во „СЛОВО“.

МОСКВА. 1914 г.

Въ лучшей изъ легендъ францисканства, „Цветочкахъ“, заключена вся поэзія францисканства. Въ примыкающемъ къ нимъ „Житіи брата Юнипера“ преобладаютъ реалистическія черты. Чисто біографическія данныя о немъ извѣстны намъ изъ другихъ источниковъ: извѣстенъ, приблизительно, годъ принятія его въ число учениковъ святого Франциска—это 1210 г.; извѣстенъ годъ его смерти—1258; извѣстна его роль, какъ утѣшителя послѣднихъ минутъ жизни святой Клары, когда онъ, вмѣстѣ съ братомъ Львомъ и братомъ Анеломъ, приходилъ къ одру ея болѣзни, чтобы развлекать ее бесѣдой. Но изъ „Житія“ намъ стала извѣстной самая замѣчательная черта этого брата—намъ извѣстно, что онъ былъ величайшимъ простецомъ, что онъ являлъ собой ту совершенную простоту о Христь, которая, будучи высшимъ христіанскимъ подвигомъ смиренія, зовется обыкновенно юродствомъ.

Апостолъ Павелъ учитъ объ этой простотѣ и смиреніи, ставя ихъ превыше всей „мудрости вѣка сего“, именуя ихъ безуміемъ о Христь: „Никто не обольщай самого себя. Если кто изъ васъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкъ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобы быть муд-

рымъ. Ибо мудрость міра сею есть безуміе предъ Богомъ, какъ написано: уловляетъ мудрыхъ въ лукавствъ ихъ". (I посл. къ Коринѣ. 3, 18—19) „Безумное Божіе мудрѣе челоуѣковъ, и немоцное Божіе сильнѣе челоуѣковъ. Посмотрите, братіе, кто вы призванные: не мною мудрыхъ по плоти, не мною сильныхъ, не мною благородныхъ. Но Богъ избралъ безумное міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немоцное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра, и уничиженное, и ничего не значущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее; для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ" (тамъ же, 25—29).

Весь смыслъ жизненнаго подвига брата Юнипера—въ приведенныхъ словахъ апостола Павла. „Безумный Христа ради", онъ постигъ, что „мудрость міра сею есть безуміе предъ Богомъ", и не захотѣлъ безумія предъ Богомъ, принявъ на себя тяжкій подвигъ безумія предъ людьми.

НАЧИНАЕТСЯ ЖИТІЕ БРАТА ЮНИПЕРА.

Г Л А В А I.

Какъ онъ отрѣзалъ у свиньи ногу, единственно,
чтобы дать ее одному больному.

Однимъ изъ избраннѣйшихъ первыхъ учениковъ и товарищей святого Франциска былъ братъ Юниперъ, человѣкъ глубокаго смиренія и великаго пыла и милосердія; о немъ сказалъ святой Францискъ, бесѣдуя однажды съ тѣми своими святыми товарищами:— Тотъ былъ бы добрымъ меньшимъ братомъ, кто такъ побѣдилъ бы себя и міръ, какъ братъ Юниперъ...— Однажды, у Святой Маріи Ангельской, посѣщая одного больного брата, онъ, какъ бы воспламененный милосердіемъ Божиимъ, съ великой жалостью спросилъ его:— Могу я тебѣ оказать какую-нибудь услугу?— Отвѣчаетъ больной:— Весьма для меня было бы большимъ утѣшеніемъ, если бы ты могъ такъ сдѣлать, чтобы у меня была нога свиньи. Сказалъ вдругъ братъ Юниперъ:— Дай только мнѣ распоря-

даться, и я немедленно достану ее; и идетъ, и беретъ ножъ, думается, кухонный, и въ духовномъ рвеніи идетъ черезъ лѣсъ, гдѣ было на пастбищѣ нѣсколько свиней, и набросился на одну изъ нихъ, и отрѣзалъ у нея ногу, и убѣжалъ, оставивъ свинью съ обрѣзанной ногой; и возвращается, и моетъ, и приготовляетъ, и варитъ эту ногу; и съ великимъ тщаніемъ хорошо приготовивъ, понесъ упомянутую ногу больному съ великимъ милосердіемъ. И этотъ больной ѣстъ ее съ большой жадностью, и велико утѣшеніе и радость брата Юнипера; и онъ съ великимъ весельемъ, чтобы доставить развлеченіе этому больному, повторялъ прыжки этой свиньи. Въ это время тотъ, который пасъ свиней и который видѣлъ, какъ этотъ братъ рѣзалъ ногу, съ великой горечью донесъ обо всемъ происшествіи по порядку своему господину. И тотъ, осведомленный о дѣлѣ, приходитъ къ обители братьевъ, обзывая ихъ лицемѣрами, воришками и обманщиками, разбойниками и лихими людьми, потому что они отрѣзали ногу у его свиньи. На тотъ шумъ, какой онъ поднялъ, вышелъ святой Францискъ и всѣ братья, со всѣмъ смиреніемъ извиняясь за своихъ братьевъ, и, не зная о случившемся, предлагалъ, чтобы умиротворить его, возмѣстить ему всякій его убытокъ. Но тотъ всѣмъ этимъ въ концѣ концовъ не умиротворенъ; но въ великомъ гнѣвѣ, съ ругательствами и угрозами, уходитъ, разгнѣванный, отъ братьевъ, все болѣе и болѣе упрекая ихъ въ томъ, какъ они злонамѣренно отрѣзали ногу у его свиньи; и, не

принимая никакого извиненія, ни обѣщанія, ушелъ въ такомъ негодованіи. А святой Францискъ, полный разумѣнія, пока другіе братья были въ оцѣпенѣніи, размыслилъ и сказалъ въ сердцѣ своемъ:— Не сдѣлалъ ли это братъ Юниперъ въ нескромномъ рвеніи?—И велѣлъ тайно позвать къ себѣ брата Юнипера, и спросилъ его, говоря:—Не отрѣзалъ ли ты ноги у одной свиньи въ лѣсу?—На что братъ Юниперъ, не какъ человѣкъ, совершившій проступокъ, но какъ человѣкъ, сотворившій, какъ ему казалось, великое милосердіе, весь радостный отвѣчалъ и сказалъ:—Отецъ мой сладостный, правда, что я отрѣзалъ у упомянутой свиньи ногу; а причину, отецъ мой, если желаешь, выслушай съ терпѣніемъ. Я пошелъ навѣстить того больного брата...—и по порядку рассказываетъ про все дѣло, и потомъ прибавилъ:—Я тебѣ скажу такъ, что, въ виду утѣшенія¹⁾, что этотъ нашъ братъ подкрѣпился той ногой, если бы я отрѣзалъ у сотни свиней ноги, какъ у одной, я вполне увѣренъ, что Богъ счелъ бы это за благо.—На это святой Францискъ, въ пылу справедливости и съ великой горечью сказалъ:—Братъ Юниперъ, зачѣмъ ты совершилъ такой великій соблазнъ? Не безъ причины тотъ человѣкъ сокрушается и такъ негодуетъ на насъ; и, можетъ-быть, сейчасъ онъ безславить насъ по городу, обвиняя во всякомъ злѣ, и у него есть великая причина! Поэтому, я повелѣваю тебѣ, во имя святого послушанія, чтобы ты бѣжалъ за нимъ, пока не догонишь его, и бросился на землю плашмя и повинился передъ нимъ, обѣщая

дать ему такое и столь совершенное удовлетвореніе, чтобы онъ не имѣлъ повода сѣтовать на насъ: ибо, конечно, это было слишкомъ большимъ излишествомъ.—Братъ Юниперъ былъ весьма изумленъ вышесказанными рѣчами; и онъ стоялъ пораженный и дивился, ибо на такой милосердный поступокъ никакъ не должно было сердиться; и, вѣдь, ему казалось, что все это земное только тогда и стоитъ чего-нибудь, когда дѣлишься имъ милосердно съ ближнимъ. Отвѣчалъ:—Не сомнѣвайся въ этомъ, отецъ мой, я немедленно заплачу ему, и удовлетворю его. И зачѣмъ ему быть такимъ сердитымъ, разъ этотъ боровъ, у котораго я отрѣзалъ ногу, скорѣе принадлежалъ Богу, чѣмъ ему, и изъ этого вышло такое великое дѣло милосердія?—Бѣжить или, вѣрнѣе, идетъ рысцой, и нагоняетъ этого человѣка; тотъ былъ разгнѣванъ, да превыше всякой мѣры, такъ что въ немъ совсѣмъ не осталось терпѣнія; а онъ рассказываетъ тому, какъ и по какой причинѣ онъ отрѣзалъ у упомянутаго борова ногу, и съ такимъ пыломъ и ликованіемъ, и радостью, почти какъ человѣкъ, оказавшій ему великую услугу, за которую долженъ былъ бы получить отъ него великую благодарность. Тотъ, полный гнѣва и побѣжденный яростью, сказалъ брату Юниперу много сквернословія, обзывая его сумасброднымъ и глупымъ ворихой и худшимъ изъ грабителей. Братъ Юниперъ не обезпокоился этими столь обидными рѣчами, а только изумлялся—онъ всегда радовался поношеніямъ—и думалъ, что тотъ его не понялъ хорошо; ему ка-

залось, что тутъ поводъ для радости, а не злобы, поэтому онъ повторилъ про вышесказанное происшествіе и бросился тому на шею, и обнялъ его, и поцѣловалъ его: и говорить, что это было сдѣлано, единственно, по милосердію, прося его и подвигая его на подобное впредь съ такой любовью и простотой, и смиреніемъ, что этотъ человѣкъ, придя въ себя, въ обильныхъ слезахъ палъ на землю; и сознался въ обидѣ, содѣянной и сказанной этимъ святымъ братьямъ, и хватаетъ этого борова и убиваетъ его, и, сваривъ, несетъ его съ великимъ благоговѣніемъ и обильными слезами къ Святой Маріи Ангельской и отдалъ его въ пищу этимъ святымъ братьямъ, изъ жалости за сказанную имъ и содѣланную обиду. Святой Францискъ, видя простоту и умѣнье сносить многое и такое терпѣніе въ бѣдахъ упомянутаго святого брата Юнипера, сказалъ товарищамъ и другимъ окружающимъ:—Братья мои, дай Богъ, чтобы такихъ Юниперовъ ²⁾ у меня былъ большой лѣсъ!—Въ хвалу Иисуса Христа и бѣдняка Франциска. Аминь.

Г Л А В А II.

Какъ братъ Юниперъ, стараніями демона, былъ приговоренъ нъ висѣлицѣ.

Однажды демонъ, желая навлечь на брата Юнипера срамъ и напасти, пошелъ къ одному жесточайшему тиранну, которому имя было Николай и который велъ тогда войну съ городомъ Витербо, и

сказалъ:— Господинъ, берѣгите хорошенько этотъ вашъ городокъ, ибо вскорѣ долженъ притти сюда одинъ великій предатель, подосланный витебцами для убійства и поджога въ городкѣ. А чтобъ это было вѣрно, я дамъ вамъ такіе знаки. Онъ идетъ подъ видомъ бѣдняка, въ одеждѣ совсѣмъ разорванной и заплатаанной и съ разорваннымъ шлыкомъ, откинутымъ на плечи; и несетъ съ собою шило, которымъ онъ долженъ васъ убить, а съ боку трутъ, которымъ долженъ поджечь этотъ городокъ; и если это не окажется правдой, расправьтесь со мной вѣчески.—Отъ этихъ словъ тираннъ Николай весь ужаснулся и возымѣлъ великій страхъ, потому что тотъ, кто ему говорилъ эти слова, показался ему важнымъ лицомъ. Онъ приказываетъ, чтобы караулы держались прилежно, и если придетъ этотъ человекъ съ вышесказанными примѣтами, чтобы немедленно онъ былъ представленъ предъ его лицо. Въ это время приходитъ братъ Юниперъ одинъ, ибо за свою добродѣтель онъ имѣлъ разрѣшеніе ходить и пребывать одному, какъ ему было угодно. И встрѣтился братъ Юниперъ съ нѣсколькими подростками, которые, издѣваясь надъ нимъ, начали творить съ братомъ Юниперомъ великое безстыдство. Всѣмъ этимъ онъ не возмущался, но, скорѣе, наталкивалъ ихъ на большія издѣвательства надъ собой. И, когда онъ пришелъ къ воротамъ замка, стража, видя его такимъ безобразнымъ, въ одеждѣ тѣсной и разорванной—ибо одежду свою онъ частью роздалъ въ дорогѣ бѣднымъ изъ любви къ Богу и совсѣмъ не имѣлъ вида мень-

шаго брата,—а вѣдь тѣ отличаются внѣшними знаками—съ яростью повела его къ этому тиранну Николаю. И, когда челядь обыскала его, чтобы знать, нѣтъ ли у него смертоноснаго оружія, нашли у него шило въ ножнахъ, которымъ онъ чинилъ себѣ подметки; еще нашли у него трутъ, который онъ носилъ, чтобы добывать огня; потому что онъ былъ смышленъ и часто живалъ въ лѣсахъ и пустыняхъ. Николай, видя въ немъ примѣты, согласныя съ указаніями демона, приказалъ, чтобы ему окрутили голову, и такъ и было сдѣлано, и съ такой жестокостью, что вся веревка вошла ему въ тѣло. И затѣмъ подвѣсилъ его на дыбу и велѣлъ ему тянуть и дергать руки и растягивать все тѣло, и безъ всякой жалости. А онъ, спрошенный, кто онъ таковъ, отвѣчалъ:—Я величайшій грѣшникъ; и, спрошенный, не хочетъ ли онъ предать замокъ и отдать его въ руки витербцевъ, отвѣчалъ:—Я величайшій предатель и недостойнъ никакого блага.—И, спрошенный, не хотѣлъ ли онъ убить этимъ шиломъ тиранна Николая, и сжечь замокъ, отвѣчалъ:—И много бѣдъ сотворилъ бы, если бы допустилъ это Богъ.—И этотъ Николай, побѣжденный своимъ гнѣвомъ, не пожелалъ дѣлать другого вопроса; но безъ всякой отсрочки, съ яростью приговариваетъ этого брата Юнипера, какъ предателя и челоуѣкоубійцу, къ тому, чтобы онъ былъ привязанъ къ хвосту лошади и протащенъ по землѣ до самой висѣлицы, и тамъ тотчасъ повѣшенъ за шею. Братъ Юниперъ на все это не приводитъ никакихъ оправданій и не выражаетъ печали, но, какъ чело-

вѣкъ, который изъ любви къ Богу доволенъ собой въ напастяхъ, стоялъ весь радостный и веселый. И, когда стали приводить въ исполненіе приказаніе тиранна, и братъ Юниперъ былъ привязанъ за ноги къ хвосту лошади и проташенъ по землѣ, онъ не сокрушался, не скорбѣлъ, но, какъ кроткій агнецъ, ведомый на бойню, шелъ со всѣмъ смиреніемъ. На это зрѣлище и на быструю расправу сбѣжался сюда весь народъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ казнить его съ поспѣшностью и жестокостью, и онъ не былъ узнанъ. Однако, какъ угодно было Богу, одинъ добрый человекъ, который видѣлъ раньше, какъ схватили брата Юнипера, и теперь видѣлъ, какъ съ нимъ расправляются, бѣжитъ къ обители меньшихъ братьевъ и говоритъ:—Ради Бога, прошу васъ, идите скорѣе, ибо сейчасъ былъ схваченъ одинъ бѣднячекъ, и состоялся приговоръ и его ведутъ на смерть; идите, чтобы, по крайней мѣрѣ, онъ могъ предать душу въ ваши руки, ибо онъ кажется мнѣ добрымъ человекомъ, а онъ не имѣлъ времени исповѣдаться; и его ведутъ на повѣшеніе, а онъ, какъ-будто, не озабоченъ смертью и спасеніемъ своей души: соблаговолите притти поскорѣе!—Гвардіанъ ³⁾, который былъ человекомъ жалостливымъ, идетъ сейчасъ же, чтобы содѣйствовать его спасенію; и, когда пришелъ, то толпа, пришедшая смотрѣть на эту расправу, уже такъ умножилась, что онъ не могъ пройти; и онъ стоялъ и выжидалъ случая и, стоя такъ, услышалъ черезъ толпу голосъ, который говорилъ:—Не дѣлайте, не дѣлайте такъ, злосчастные, ибо вы мнѣ дѣлаете боль-

но ногамъ!—Отъ этого голоса возымѣлъ гвардіанъ подозрѣніе, не братъ ли это Юниперъ; и въ пылу духовномъ бросается промежду нихъ и снимаетъ повязку съ его лица, и тогда узналъ вправду, что это былъ братъ Юниперъ: и потому восхогѣлъ гвардіанъ изъ состраданія снять съ себя рясу и одѣть брата Юнипера. А тотъ, съ веселымъ лицомъ, почти смѣясь, сказалъ:—О, гвардіанъ, ты толстъ, и твоя нагота имѣла бы видъ слишкомъ дурной: я не хочу.—Тогда гвардіанъ съ великимъ плачемъ проситъ этихъ палачей и весь народъ, чтобы изъ жалости подождали немного, пока онъ сходитъ попросить тиранна за брата Юнипера, не пожелаетъ ли онъ оказать за него ему милость. Когда согласились палачи и нѣкоторые изъ стоящихъ, полагая вправду, что онъ изъ его родни, идетъ благочестивый и жалостливый гвардіанъ къ тиранну Николаю съ горькимъ плачемъ и говоритъ:—Господинъ, я въ такомъ изумленіи и горечи, что языкомъ не могу рассказать, ибо мнѣ кажется, что въ этой землѣ сегодня совершился величайшій грѣхъ и величайшее зло, какое когда-либо творилось въ дни нашихъ предковъ: и полагаю, что это совершенно по невѣдѣнію.—Николай слушаетъ гвардіана съ терпѣніемъ и спрашиваетъ гвардіана:—Какой это великій грѣхъ или зло, что совершилось въ этой землѣ?—Отвѣчалъ гвардіанъ:—То, что одинъ изъ самыхъ святыхъ братьевъ, какой только есть нынѣ въ Орденѣ святого Франциска, передъ которымъ вы, особенно, благоговѣете, присужденъ вами къ такой жестокой расправѣ, полагаю, конечно, безъ всякой причины.—

Говоритъ Николай:—Скажи же мнѣ, гвардіанъ, кто это такой? ибо, можетъ-быть, не вѣдая, я совершилъ великій грѣхъ.—Говоритъ гвардіанъ:—Тотъ, кого вы осудили на смерть, братъ Юниперъ, товарищъ святого Франциска.—Тираннъ Николай, пораженный, ибо слышалъ молву о немъ и про святую жизнь брата Юнипера, и почти ошеломленный, весь блѣдный побѣждалъ вмѣстѣ съ гвардіаномъ, и доходитъ до брата Юнипера и отвязываетъ его отъ хвоста лошади, и освободилъ его, и, въ присутствіи всего народа, бросился плашмя на землю передъ братомъ Юниперомъ и съ великимъ плачемъ винится въ обидѣ и подлости, которыя велѣлъ причинить этому брату; и прибавилъ:— Я по-истинѣ думаю, что дни моей дурной жизни близятся, разъ я такъ безъ всякой причины терзалъ этого столь святого мужа. Богъ попуститъ моей дурной жизни, чтобы я умеръ въ короткое время отъ дурной смерти, хотя я совершилъ это по невѣдѣнію.— Братъ Юниперъ простилъ Николаю свободно: но Богъ попустилъ немного дней спустя послѣ этого, чтобы этотъ тираннъ Николай окончилъ свою жизнь весьма жестокой смертью. А братъ Юниперъ ушелъ, оставивъ весь народъ съ добрымъ назиданіемъ. Въ хвалу Иисуса Христа и бѣдняка Франциска. Аминь.

Г Л А В А Ш.

Примѣръ великой власти надъ демономъ брата Юнипера.

Ибо демоны не могли противостоять чистотѣ невинности и глубокому смиренію брата Юнипера, какъ

то явствуетъ изъ слѣдующаго: однажды одинъ одержимый бѣсомъ, бросившись противъ всякой своей привычки весьма въ сторону отъ дороги, внезапно бѣгомъ прибѣжалъ различными дорогами семь миль. И, когда родные, которые преслѣдовали его, схвативши, вопрошали его съ великой горечью, почему онъ совершилъ такой побѣгъ въ сторону, онъ отвѣчалъ:— Причина такова: вѣдь, тотъ глупецъ Юниперъ проходилъ по той дорогѣ; не могли ни вынести его присутствія, ни переждать, я побѣжалъ по этимъ мѣстамъ.—И, удостовѣрясь въ истинѣ этого, нашли, что братъ Юниперъ шелъ въ тотъ часъ, какъ сказалъ демонъ. Поэтому святой Францискъ, когда приводили къ нему одержимыхъ демонами, чтобы онъ исцѣлилъ ихъ, если они тотчасъ не уходили по его повелѣнiю, говорилъ:—Если ты не выйдешь тотчасъ изъ этой твари, я велю пойти противъ тебя брату Юниперу;—и тогда демонъ, боясь присутствія брата Юнипера и не въ силахъ будучи выносить добродѣтели и смиренія святого Франциска, тотчасъ уходилъ. Въ хвалу Иисуса Христа и бѣдняка Франциска. Аминь.

Г Л А В А IV.

Какъ братъ Юниперъ, изъ любви къ Богу, отдавалъ бѣднымъ то, что могъ.

Такою жалостью имѣлъ къ бѣднымъ братъ Юниперъ и такое состраданіе, что, когда видѣлъ кого-нибудь, кто былъ дурно одѣтъ или нагъ, тотчасъ снималъ свою рясу или шлыкъ своего плаща и отда-

валъ это тому бѣднику: и потому гвардіанъ повелѣлъ ему въ силу послушанія ⁴⁾), чтобы онъ не отдавалъ никакому бѣднику всей своей рясы или части своей одежды. Вышло случайно, что нѣсколько дней спустя онъ встрѣтилъ одного бѣдника, почти совсѣмъ нагого, просившаго у брата Юнипера милостыни изъ любви къ Богу; ему съ великимъ состраданіемъ сказалъ онъ:—Мнѣ нечего дать тебѣ, кромѣ рясы; а я имѣю такое послушаніе отъ моего прелата, что не могу отдать ее никому, а также и часть одежды; но если ты стащишь ее съ меня, я не буду противорѣчить.—Не глухому онъ сказалъ; ибо тотчасъ этотъ бѣдникъ вывернулъ съ него рясу на изнанку и ушелъ съ ней, оставивъ брата Юнипера нагимъ. И, вернувшись въ обитель, былъ вопрошаемъ, гдѣ его ряса. Отвѣчаетъ:—Одинъ добрый человѣкъ стащилъ ее съ меня и ушелъ съ нею.—И, съ возрастаніемъ въ немъ добродѣтели жалости, онъ не удовлетворялся тѣмъ, что отдавалъ только свою рясу, но отдавалъ книги, украшенія и плащи, и все, что попадало ему въ руки, отдавалъ бѣднымъ. И по этой причинѣ братья не оставляли предметовъ на виду, ибо братъ Юниперъ отдавалъ всякую вещь изъ любви къ Богу и въ Его хвалу. Въ хвалу Іисуса Христа и бѣдника Франциска. Аминь.

Г Л А В А V.

Какъ братъ Юниперъ отцѣпилъ отъ алтаря нѣсколько звоночковъ и такъ и отдалъ ихъ.

Былъ однажды братъ Юниперъ въ Ассизи у монастырскаго алтаря въ высокихъ размышленіяхъ по

поводу Рождества Христова, а алтарь былъ весьма хорошо приубранъ и украшенъ; по просьбѣ ризничаго, онъ былъ оставленъ подъ надзоромъ упомянутаго брата Юнипера, пока ризничій сходитъ немного поѣсть. И, пока онъ стоялъ въ благоговѣйномъ размышленіи, одна бѣдная женщина попросила у него милостыни ради Бога. Отвѣчалъ ей такъ:—Подожди немного, я посмотрю, нельзя ли тебѣ дать чего-нибудь отъ этого столь украшеннаго алтаря.—У этого алтаря было одно весьма рѣдкостное украшеніе, обвѣшанное золотыми и серебряными звоночками великой цѣны. Говоритъ братъ Юниперъ:—Эти звоночки здѣсь излишни; и беретъ ножъ и всѣ ихъ отдѣляетъ отъ украшенія и даетъ ихъ этой бѣдной женщинѣ изъ жалости. Ризничій, съѣвши три или четыре куска, вспомнилъ о привычкахъ брата Юнипера и началъ сильно сомнѣваться, какъ бы тотъ, по рвенію милосердія, не сдѣлалъ ему бѣды со столь украшеннымъ алтаремъ, который онъ оставилъ подъ надзоромъ. И тотчасъ встаетъ изъ-за стола и идетъ въ церковь, и смотритъ, не снято ли украшеніе, или не отцѣплено ли чего-нибудь; и видитъ, что отъ украшенія отрѣзаны и отцѣплены звоночки: этимъ онъ былъ разгнѣванъ и возмущенъ безмѣрно. Братъ Юниперъ видитъ, что онъ такъ огорченъ, и говоритъ:—Не смущайся объ этихъ звоночкахъ, ибо я далъ ихъ одной бѣдной женщинѣ, которая имѣла въ нихъ самую великую нужду, а здѣсь они не приносили ни пользы, ни чего другого, кромѣ какъ были такой мірской и суетной пышностью. Услыша это,

ризницій тотчасъ побѣжалъ въ огорченіи по церкви и по всему городу, можетъ-быть, по счастью найдетъ ее: но не только не нашелъ ея, но не нашелъ и никого, кто бы видѣлъ ее. Вернулся въ обитель и въ ярости снялъ украшеніе и понесъ его къ генералу ^{б)}, который былъ въ Ассизи, и говоритъ:—Отецъ генераль, я прошу у васъ суда на брата Юнипера, который испортилъ мнѣ это украшеніе, которое было самымъ великолѣпнымъ во всей ризницѣ; теперь посмотрите, какъ онъ его испортилъ и отцѣпилъ отъ него всѣ серебряные звоночки, и говоритъ, что отдалъ ихъ одной бѣдной женщинѣ.—Отвѣчалъ генераль:—Это сдѣлалъ не Юниперъ, а сдѣлало это твое безразсудство; ибо ты долженъ теперь уже знать его привычки; и говорю тебѣ, что удивляюсь, какъ онъ не отдалъ всего остального; но, тѣмъ не менѣе, я вотъ хорошо накажу его за этотъ проступокъ.—И, созвавши всѣхъ братьевъ вмѣстѣ на Капитулъ, велѣлъ позвать брата Юнипера: и, въ присутствіи всего монастыря, весьма жестоко укорялъ его за вышеназванные звоночки; и такъ возросъ въ ярости и возвысилъ голосъ, что сталъ почти, какъ охрипшій. А братъ Юниперъ мало и почти совсѣмъ не былъ обезпокоенъ тѣми рѣчами, ибо услаждался обидами, когда онъ бывалъ, по-настоящему, поносимъ; но, желая устранить хрипоту генерала, началъ размышлять о лѣкарствѣ. И принявши выговоръ отъ генерала, идетъ братъ Юниперъ въ городъ и заказываетъ и велитъ сдѣлать добрую похлебку изъ муки съ масломъ; и, когда прошла добрая часть по-

чи, идетъ и возвращается, и зажигаетъ свѣчу, и идетъ съ этой похлебкой изъ муки къ кельѣ генерала, и стучится. А генералъ открылъ и видитъ его съ зажженной свѣчей и съ похлебкой въ рукѣ, и тихо спрашиваетъ:—Что это?—Отвѣчалъ братъ Юниперъ:—Отецъ мой, сегодня, когда вы укоряли меня за мои недостатки, я увидѣлъ, что голосъ у васъ сталъ хриплымъ, думаю, отъ чрезмѣрнаго утомленія; и поэтому я подумалъ о лѣкарствѣ и велѣлъ сдѣлать эту похлебку; поэтому прошу тебя, чтобы ты поѣлъ ея, говорю тебѣ, что отъ нея свободнѣе станетъ у тебя въ груди и въ горлѣ.—Говоритъ генералъ:—Такой ли это часъ, чтобы беспокоить другихъ?—Отвѣчаетъ братъ Юниперъ:—Посмотри, для тебя она сдѣлана, прошу тебя, безъ всякихъ стѣсненій, съѣшь ее, ибо она принесетъ тебѣ великую пользу.—А генералъ, разсерженный по поводу поздняго часа и его назойливости, повелѣлъ ему уйти прочь, ибо въ такой часъ онъ не хочетъ ѣсть, и обозвалъ его гнуснѣйшимъ и дурнымъ именемъ. Братъ Юниперъ, видя, что не возымѣли силы ни просьбы, ни улещиванья, говоритъ такъ:—Отецъ мой, разъ ты не хочешь ѣсть, а для тебя сдѣлана эта похлебка, сдѣлай для меня, по крайней мѣрѣ вотъ что: поддержи мнѣ свѣчу, а я буду ѣсть. И генералъ, какъ жалостливая и благожелательная особа, сообразивъ доброе чувство и простоту брата Юнипера, и что все это было сдѣлано любви ради, отвѣчаетъ:—Ну, вотъ, разъ ты все же хочешь, будемъ ѣсть и ты, и я вмѣстѣ.—И оба съѣли эту

похлебку изъ муки по настойчивому милосердію. И гораздо больше подкрѣпились любовью, нежели пищей. Въ хвалу Іисуса Христа и бѣдняка Франциска. Аминь.

Г Л А В А VI.

Какъ братъ Юниперъ шесть мѣсяцевъ хранилъ молчаніе.

Положилъ себѣ однажды братъ Юниперъ шесть мѣсяцевъ хранить молчаніе такимъ образомъ. Въ первый день, изъ любви къ Небесному Отцу; во второй день, изъ любви къ Сыну Его Іисусу Христу; въ третій, изъ любви къ Духу Святому; въ четвертый день, изъ почтенія къ Дѣвѣ Маріи; и такъ, по порядку, каждый день изъ любви къ нѣкоторому святому рабу Бога пробылъ по благочестію шесть мѣсяцевъ безъ рѣчей. Въ хвалу Іисуса Христа и бѣдняка Франциска. Аминь.

Г Л А В А VII.

Средство противъ искушеній плоти.

Собрались однажды братъ Эгидій и братъ Симонъ изъ Ассизи, и братъ Руффинъ, и братъ Юниперъ для бесѣды о Богѣ и о спасеніи души, и сказалъ другимъ братьямъ Эгидій:—Какъ поступаете вы съ искушеніями грѣха плоти?—Сказалъ братъ Симонъ:—Я размышляю о гнусности и постыдности грѣха, и отъ этого во мнѣ воспослѣдуетъ великое отвращеніе, и такимъ образомъ я избѣгаю его.—Говоритъ братъ Руффинъ:—Я бросаюсь на землю плашмя и такъ долго пребываю въ молитвѣ, умоляя Бога и Матерь

Иисуса Христа о милосердіи, что чувствую себя со-
всѣмъ освобожденнымъ.—Отвѣчаетъ братъ Юни-
перъ:—Когда я слышу стукъ дьявольскаго искушенія
плоти, я немедленно бѣгу и запираю входъ въ мое
сердце и, въ обезпеченіе крѣпости сердца, предаюсь
святымъ размысленіямъ и святымъ желаніямъ: такъ
что, когда приходитъ искушеніе плоти и стучится въ
дверь сердца, я, какъ бы изнутри, отвѣчаю: Побудь
ка за дверями, ибо гостиница уже занята, и сюда
внутри не войти уже больше никому; и такъ я ни-
когда не позволяю входить внутрь моего сердца плот-
ской мысли; такъ что, видя себя побѣжденной, какъ
бы разбитой, она уходитъ, и не только отъ меня, но
и изъ всей страны.—Отвѣчаетъ братъ Эгидій и го-
воритъ:—Братъ Юниперъ, я держу твою сторону,
ибо съ врагомъ плоти нельзя сражаться, можно только
бѣжать отъ него; ибо вѣроломная жажда плоти, сидя
внутри, извнѣ черезъ ощущенія тѣла, такъ сильно даетъ
себя знать въ своей враждѣ, что, если не бѣжать, ее
никакъ не одолѣть. И потому, кто иначе хочетъ сра-
жаться, тому всѣ усилія борьбы рѣдко дадутъ побѣ-
ду. Итакъ, убѣгай порока и будешь побѣдителемъ. Въ
хвалу Иисуса Христа и бѣдняка Франциска. Аминь.

Г Л А В А VIII.

Какъ братъ Юниперъ уничижаетъ себя въ хва-
лу Бога.

Однажды братъ Юниперъ, желая, какъ слѣдуетъ,
унизить себя, раздѣлся весь до-нага и положилъ себѣ
на голову одежды, сдѣлавъ изъ своего одѣянія, какъ

бы, свертокъ, и такъ вошелъ голымъ въ Витербо и пошелъ во осмѣяніе себя на общественную площадь. Когда онъ былъ тамъ нагимъ, подростки и юноши, полагая, что онъ сошелъ съ ума, нанесли ему много поношеній, кидая ему въ спину много грязи и попадая въ него камнями, толкая его туда-сюда, со многими издѣвательствами; и такъ, терпя поношенія и насмѣшки, простоялъ онъ большую часть дня; затѣмъ, такъ обнаженный, пошелъ въ монастырь. И братья, видя его такимъ обнаженнымъ, возымѣли великое состраданіе; и больше всего за то, что онъ прошелъ такъ, нагимъ, черезъ весь городъ со своимъ сверткомъ на головѣ, весьма сурово укоряли его, творя ему великія угрозы. И одинъ говорилъ:—Посадимъ его подъ замокъ;—и другой говорилъ:—повѣсимъ его;—и другіе говорили:—Нѣтъ такой расправы, которая была бы чрезмѣрной за такой дурной примѣръ, какой онъ далъ сегодня за себя и за весь Орденъ.—А братъ Юниперъ, весь радостный, со всѣмъ смиреніемъ отвѣчалъ:—Совершенно вѣрно говорите, ибо я достоинъ всѣхъ этихъ наказаній и много большихъ.—Въ хвалу Иисуса Христа и бѣдняка Франциска. Аминь.

Г Л А В А IX.

Какъ братъ Юниперъ, чтобы унижить себя, начался на качеляхъ.

Шелъ однажды братъ Юниперъ въ Римъ, куда уже дошла молва о его святости, и многіе римляне, ради великаго благоговѣнія, пошли къ нему навстрѣчу; а братъ Юниперъ, видя, что идетъ столько народу,

замыслилъ сотворить изъ ихъ благоговѣнiя шутовство и посмѣшище. Были тамъ подростки, которые устроили себѣ качели, то-есть положили одно бревно поперекъ другого и каждый помѣстился на своемъ концѣ, и заходили вверхъ и внизъ. Братъ Юниперъ идетъ и снимаетъ одного изъ этихъ подростковъ съ бревна и садится на него, и начинаетъ качаться. Между тѣмъ, народъ подходитъ, и стали изумляться тому, что братъ Юниперъ качается: тѣмъ не менѣе привѣтствовали его съ великимъ благоговѣнiемъ; и ждали, когда онъ кончитъ качаться, чтобы проводить его затѣмъ съ почетомъ до монастыря. А брату Юниперу мало заботъ было до ихъ привѣтствiя, знаковъ почета, или ожиданiя, но онъ весьма былъ озабоченъ качанiемъ. И, прождавши такъ долгое время, нѣкоторые начали скучать и говорить:—Что это за скотина? Нѣкоторые, зная его привычки, возросли еще больше въ благоговѣнiи; тѣмъ не менѣе, всѣ ушли и оставили брата Юнипера на качеляхъ. И, когда всѣ ушли, братъ Юниперъ остался совсѣмъ утѣшеннымъ, ибо видѣлъ, какъ нѣкоторые издѣвались надъ нимъ. Двигается и входитъ въ Римъ со всяческой кротостью и смиренiемъ, и дошелъ до монастыря меньшихъ братьевъ.

Г Л А В А X.

Какъ братъ Юниперъ стряпаль однажды для братьевъ.

Былъ однажды братъ Юниперъ въ одной маленькой обители братьевъ, и по извѣстной разумной при-

чинѣ всѣмъ братьямъ пришлось отлучиться, и одинъ братъ Юниперъ остался дома. Говоритъ гвардіанъ:—Братъ Юниперъ, всѣ мы уходимъ изъ дому, и потому сдѣлай такъ, чтобы, когда мы вернемся, ты приготовилъ немного пищи братьямъ на подкрѣпленіе. — Отвѣчалъ братъ Юниперъ:—Весьма охотно; дайте мнѣ сдѣлать!—Когда всѣ братья, какъ было сказано, ушли изъ дому, говоритъ братъ Юниперъ:—Лишняя какая забота, чтобы одинъ братъ былъ занятъ кухней и отстраненъ отъ всякой молитвы! Конечно, на этотъ разъ я остался стряпать; я настряпаю столько, чтобы всѣмъ братьямъ, и если бы ихъ было еще больше, хватило на пятнадцать дней. И такъ, весь озабоченный, идетъ на село и, принеся нѣсколько большихъ котловъ для варки, онъ достаетъ свѣжаго мяса и соленаго, и куръ, и яйца, и травъ, и собираетъ достаточно дровъ, и ставитъ на огонь все, то-есть куръ съ перьями и яйца со скорлупой, и, одно за другимъ, все остальное. Когда братья вернулись въ обитель, одинъ, который былъ достаточно освѣдомленъ о простотѣ брата Юнипера, вошелъ въ кухню и увидѣлъ столько большихъ котловъ на огромномъ огнѣ; и усѣлся, и съ изумленіемъ взираетъ, и ничего не говоритъ; смотритъ, съ какимъ тщаніемъ братъ Юниперъ производитъ эту стряпню. Такъ какъ огонь былъ весьма великъ, и онъ не могъ слишкомъ приблизиться, чтобы мѣшать въ котлахъ, онъ взялъ доску и веревкой очень крѣпко привязалъ ее себѣ къ тѣлу, а потомъ прыгалъ отъ одного котла къ другому, такъ что любо было смотрѣть на него. Глядя

на все это съ великимъ развлеченіемъ для себя, этотъ братъ выходитъ изъ кухни и находитъ другихъ братьевъ, и говоритъ:—Я могу вамъ сказать, что братъ Юниперъ готовитъ пиръ.—Братья приняли эти слова за шутку. А братъ Юниперъ снимаетъ эти свои котлы съ огня и велитъ звонить къ трапезѣ; и располагаются братья за столомъ, а онъ идетъ въ трапезную съ этой своей стряпней, весь красный отъ усталости и отъ жара огня, и говоритъ братьямъ:—Кушайте хорошенько; а потомъ пойдемъ всѣ на молитву, и пусть никто не помышляетъ болѣе въ эти дни о кухнѣ; ибо я настряпалъ столько сегодня, что у меня хватитъ больше, чѣмъ на пятнадцать дней. И ставитъ эту свою стряпню на столъ передъ братьями, но нѣтъ на землѣ такого голоднаго борова, который сталъ бы ее ѣсть. Хвалитъ братъ Юниперъ эту свою стряпню, чтобы придать спросу; и уже видитъ, что другіе не ѣдятъ, и говоритъ:—Вотъ такія куры укрѣпляютъ вамъ мозгъ, и отъ этой стряпни тѣло у васъ вспотѣетъ, такъ она хороша!—И пока братья пребываютъ въ такомъ изумленіи и благоговѣніи и взираютъ на любовь и простоту брата Юнипера, гвардіанъ, разгнѣванный на такое сумасбродство и такое количество загубленнаго добра, весьма сурово укоряетъ брата Юнипера. Тогда братъ Юниперъ внезапно бросается на землю на колѣни передъ гвардіаномъ и смиренно сознаетъ свою вину передъ нимъ и всѣми братьями, говоря:—Я худшій изъ людей: такой-то совершилъ такой-то грѣхъ, за что ему были выколоты глаза, но я много болѣе его

достоинъ этого, такой-то былъ за свои недостатки повѣшенъ, но я много больше заслуживаю этого же за свои развратныя дѣянiя; теперь я сдѣлался вредителемъ такого добра, принадлежащаго Богу и Ордену!—И, такъ всемѣрно огорченный, ушелъ и весь этотъ день не показывался туда, гдѣ былъ кто-нибудь изъ братьевъ. И тогда Гвардианъ сказалъ:— Братья мои дорогiе, я желалъ бы, чтобы этотъ братъ каждый день портилъ столько же добра, какъ сейчасъ, если бы мы имѣли его, и если только онъ получалъ бы отъ этого назиданiе, ибо великiя простота и милосердiе заставили его сдѣлать это! Въ хвалу Иисуса Христа и бѣдняка Франциска. Аминь.

Г Л А В А XI.

Какъ братъ Юниперъ пошелъ однажды въ Ассизи ради поношенiя себя.

Однажды жилъ братъ Юниперъ въ долину Сполетской и, такъ какъ онъ видѣлъ, что въ Ассизи было большое празднество и что много народу шло туда съ великимъ благоговѣнiемъ, пришло ему желанiе пойти на это торжество; и въ тотъ день раздѣлся братъ Юниперъ совсѣмъ до-нага и такъ и пошелъ черезъ все Сполето и черезъ два другихъ мѣстечка, черезъ середину города, и доходитъ до монастыря. И братья, весьма разгнѣванные и возмущенные, весьма сурово укоряли его, столь нагого, называя его безумнымъ и глупымъ смутьяномъ Ордена Святого Франциска и говоря, что, какъ безум-

наго, его хорошо бы посадить на цѣпь. А генераль, который былъ тогда, велитъ призвать всѣхъ братьевъ и брата Юнипера и, въ присутствіи всего монастыря дѣлаетъ ему суровый и строгій выговоръ. И послѣ многихъ словъ, ради справедливости, говоритъ брату Юниперу:—Твой проступокъ таковъ и столь великъ, что я не знаю, какое дать тебѣ достойное наказаніе.—Отвѣчаетъ братъ Юниперъ, какъ человѣкъ, который услаждался собственнымъ поношеніемъ:—Отецъ мой, я хочу научить тебя: какъ сюда я пришелъ нагимъ, такъ пусть, въ наказаніе, я вернусь туда, откуда я пришелъ сюда на это празднество.—Въ хвалу Іисуса и бѣдняка Франциска.

Г Л А В А XII.

Какъ братъ Юниперъ былъ восхищенъ ⁶⁾, когда слушалъ обѣдню.

Однажды братъ Юниперъ, слушая съ великимъ благоговѣніемъ обѣдню, былъ на долгое время восхищенъ чрезъ вознесеніе мысли. И, оставленный тамъ одинъ на долгое время братьями, онъ, придя въ себя, началъ говорить съ великимъ пыломъ:—О, братья мои, есть ли въ этой жизни такой знатный, который не понесъ бы охотно по всей странѣ корзину съ навозомъ, если бы ему данъ былъ кошель полный золота?—И говорилъ:—Увы, почему не хотимъ мы выдержать немного стыда, чтобы снискать себѣ жизнь блаженную?—Въ хвалу Іисуса Христа и бѣдняка Франциска. Аминь.

Г Л А В А XIII.

О печали, какую возымѣлъ братъ Юниперъ о смерти одного своего товарища.

Былъ у брата Юнипера одинъ товарищъ, братъ, котораго онъ задушевно любилъ: и было ему имя Амацальбене. Онъ имѣлъ въ себѣ настоящую добродѣтель высшей мудрости и послушанія; ибо, если бы его каждый день били, онъ никогда не сокрушался и не поминалъ ни единымъ словомъ. Его часто посылали въ обители, въ которыхъ жила братія, невоздержная на языкъ, отъ которой онъ принималъ много преслѣдованій: и ихъ выносилъ весьма терпѣливо, безъ всякаго сокрушенія. По повелѣнію брата Юнипера, онъ плакалъ и смѣялся. Вотъ умеръ братъ Амацальбене, какъ угодно было Богу, въ самой лучшей жизни и святости: и братъ Юниперъ, услыша о его смерти, воспринялъ отъ этого такую печаль въ умѣ своемъ, какой никогда въ своей жизни не получалъ ни отъ чего преходящаго или чувственнаго. И такъ внѣшнимъ образомъ обнаруживалъ великую горечь, которая была внутри его, и говорилъ:—Горе мнѣ, злосчастному, у меня не осталось теперь никакого блага; и весь міръ для меня теперь разрушенъ въ смерти моего сладчайшаго и возлюбленнѣйшаго брата Амацальбене!—И говорилъ:—Развѣ только не будетъ мнѣ покоя отъ братьевъ, а то бы я пошелъ къ его гробницѣ и взялъ бы тѣло его: и изъ черепа сдѣлалъ бы двѣ чашки: съ одной я постоянно ѣлъ бы въ память

го, себѣ въ утѣшеніе, а изъ другой бы пилъ, когда имѣлъ бы жажду или желаніе пить.—Въ хвалу Иисуса Христа и бѣдняка Франциска. Аминь.

Г Л А В А XIV.

О рукѣ, которую видѣлъ братъ Юниперъ въ воздухѣ.

Стоялъ однажды братъ Юниперъ на молитвѣ и про себя, можетъ-быть, размышлялъ о великихъ дѣяніяхъ, и показалось ему, что онъ видитъ руку въ воздухѣ, и услышалъ тѣлесными ушами голосъ, который сказалъ ему такъ:—О, братъ Юниперъ, безъ этой руки ты ничего не можешь сдѣлать.—Послѣ чего внезапно вставши и направивъ очи, сказалъ громкимъ голосомъ, бѣгая по монастырю:—Настоящая правда, настоящая правда!—И это повторялъ долгое время. Въ хвалу Иисуса Христа и бѣдняка Франциска. Аминь.

Г Л А В А XV.

Примѣръ брата Льва, какъ святой Францискъ повелѣлъ ему мыть камень.

На горѣ Вернской говорили святой Францискъ съ братомъ Львомъ, и сказалъ святой Францискъ:—Братъ овечка, вымой этотъ камень водой.—Поспѣшилъ братъ Левъ и моетъ камень водой. Говоритъ святой Францискъ съ великой радостью и веселіемъ:—Вымой его виномъ;—и было сдѣлано.—Вымой его,—

говоритъ святой Францискъ—масломъ; и было сдѣлано. Сказалъ святой Францискъ:—Братъ овечка, вымой этотъ камень бальзамомъ.—Отвѣчаетъ братъ Левъ:—О, сладостный отецъ, какъ могу я имѣть въ этомъ столь дикомъ мѣстѣ бальзамъ?—Отвѣчаетъ святой Францискъ:—Знай, братъ овечка Христова, что это тотъ камень, на которомъ сидѣлъ Христосъ, когда предсталъ мнѣ однажды здѣсь; и потому я тебѣ сказалъ четыре раза: вымой его; и молчи; ибо Иисусъ Христосъ обѣщалъ мнѣ четыре особенныхъ милости для моего ордена. Первая та, что всѣ тѣ, которые возлюбятъ сердечно мой Орденъ и состоящихъ въ немъ братьевъ, получатъ отъ божественной милости благой конецъ. Вторая, что гонители этой святой вѣры будутъ примѣрно наказаны. Третья, что никакой дурной человѣкъ не можетъ пребыть долгое время въ этомъ орденѣ, пребывая и въ своей развращенности. Четвертая, что эта вѣра пребудетъ до послѣдняго суда. Въ хвалу Иисуса Христа и бѣдняка Франциска. Аминь.

Окончено житіе брата Юнипера.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Выраженіе „утѣшеніе“ имѣетъ здѣсь монашескій смыслъ, какъ событіе въ духовной жизни не отдѣльнаго лица, а цѣлаго собранія братьевъ.

2. Игра словъ—„jupiregus“ по-латыни „можже-вельникъ“.

3. Низшая ступень въ францисканской организаціи—завѣдывающей обителью (luogo).

4. „Въ силу послушанія“—формула, связывающая волю отдѣльныхъ членовъ Ордена.

5. Генеральный министръ или генералъ Ордена—высшая іерархическая ступень въ Орденѣ.

6. Быть восхищену—находиться въ состояніи высшаго экстаза, сопровождающагося потерей внѣшней чувствительности.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО».

ЖИТИЕ БРАТА ЮНИПЕРА, ученика св. Франциска Ассизскаго. Переводъ съ старо-итальянскаго А. П. Печковскаго, ц. 15 к.

ДРЕВНИЙ ПАТЕРИКЪ. Избранныя сказанія. Переводъ съ греческаго. Съ прибавленіемъ „Слова о плачѣ“ изъ славянскаго Пролога, изданія XVII вѣка ц. 25 к.

ЛАО-СИ. Таб-Те-Кингъ, или писаніе о нравственности. Переводъ съ китайскаго профессора университета въ Кіото Д. П. Конисси. Примѣчанія С. Дурылина. ц. 25 к.

„ЦВѢТНИКЪ“. Изъ древнихъ писаній о св. Францискѣ (Изъ твореній св. Франциска, „Цвѣточковъ“, „Зерцала Совершенства“, Житій Фомы изъ Челано). Переводы съ латинскаго и старо-итальянскаго С. Дурылина и А. П. Печковскаго.

СВ. СЕРАФИМЪ САРОВСКІЙ. Житіе, составленное Сергѣемъ Дурылинымъ. Съ приложеніемъ Бесѣдъ св. Серафима съ Мотовиловымъ и стариннаго изображенія св. Серафима.

СВ. ИСААКЪ СИРИНЪ. Избранныя слова. По изданію Московской Духовной Академіи.

ЮАННЪ МОСХЪ. Лугъ Духовный. Избранныя сказанія. Переводъ съ греческаго.

Склады изданій: МОСКВА. 1) Пречистенскій бульваръ, домъ 31, кв. 9. Телефонъ № 1-79-50. 2) Петровскія линіи, контора Н. Печковской. Телефонъ № 10-34.